

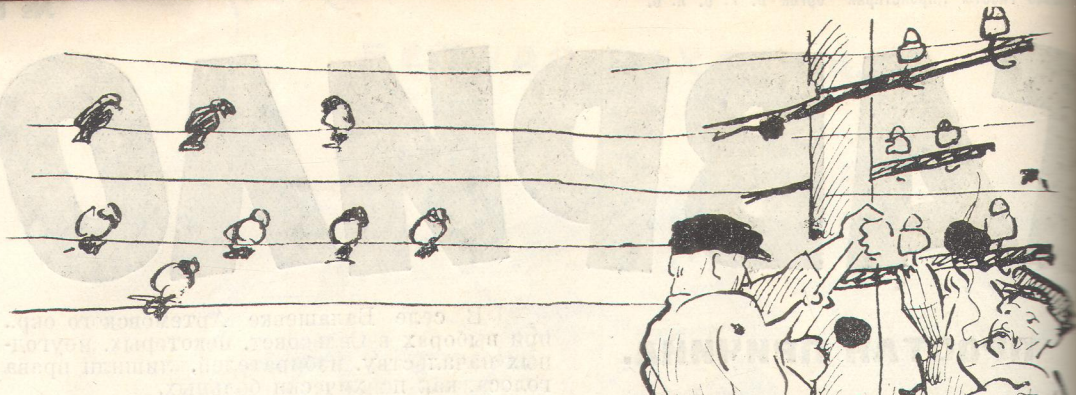
ГАВРИЛО

ПРОСТАЯ ПРИЧИНА.

В селе Балашевке Артемовского окр., при выборах в Сельсовет, некоторых, неугодных начальству, избирателей, лишили права голоса, как психически больных.

- Дядя, а дядя... С чево ето видно, што я сумасшедший?
- А как-жа? В церковь не ходишь, попа не уважаешь, самогонку не потребляешь. Разве в своем уме ето можно делать?

ВЕСЕННЕЕ.

Ночки,
Почки,
Ручеечки,
Лики,
Блики,
Даль ясна...
Зав. природой без отсрочки
Назначается весна.

* * *

Брички,
Птички,
И яички...
Шумы,
Думы,
Гул живой...
И спешит для пылкой
смычки
Штопор солнца к мостовой.

* * *

Вязи
Грязи
Гуще мази.
Зыбко,
Липко...

Что за черт!
На Сумской и на Благбазе
Грязевой родной курорт.

* * *

Злючки—
Тучки
Сбились в кучки,

Лаской
Краской
Свет дарит.
Ветер в ребра шлет ко-
лючки.

Жабу, грипп и дифтерит.

* * *

Мчится
Птица,
Как зарница...

Слезы,
Грезы,
Глубина...
Ой, заныла поясница!
Вне сомнения—весна.

ЖГУТ.

ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ ТРУДА.

Виршеплет и почетный сотрудник почтовых ящиков всех иллюстрированных, смешных и серьезных журналов—Сашка Пестрецов (псевдоним—Александр Нежный) сидел в прозаической пивнушке с приятелем своим Шапкиным, у которого не было ни талантов, ни псевдонимов, ни поэтических претензий.

Шапкин слушал. Пестрецов-Нежный разглагольствовал:

— Вот ты сидишь, Шапкин, сидишь и смотришь на меня и думаешь ты, Шапкин, обо мне—что может значить пролетарский поэт Александр Нежный по сравнению с такой, скажем, всепоглощающей прозой, как поднятие производительности труда? А вот я, пролетарский поэт, отвечу тебе, Шапкину, на это. Ошибаешься, брат! Ошибаешься, главным образом, потому, что именно мы, поэты, без всяких прогулов поднимаем производительность своего труда. Творческий труд сопутствует нам всюду, где бы мы, поэты, ни были. Для простого рабочего, или даже, скажем, для тебя, совслужащего Шапкина, посидеть в пивнушке—прогул, а вот для поэта, вот для меня, Александра Нежного и здесь в пивнушке есть материал для творчества. Творческий труд

здесь находит себе место. Вот, скажем, ты, Шапкин, без мысли, без чувствований кладешь в рот кусочек жареной тарани, а у меня уже рифма:

„О, небо! сердце
протарань—

Друг Шапкин
жушает тарань“.

— Или вот: ты одним махом глушишь бокалице пива, а я рифмую:

„Шапкин пиво
возалкал

Изалпомосушил
бокал“.

— Я тоже пью пиво, хмель ударяет мне в голову.

Рифма:

„Зачем вам бренные слова,

Коль захмелела голова“.

— Но ты можешь мне сказать,

Шапкин, что поэт Александр Нежный

впадает в... эго... как его... в субъективизм... и ты будешь прав,

мой бесталанный друг Шапкин. Но это еще не означает...

Поэт внушительно поднял палец:

— ...Это еще не означает, что поэт Александр Нежный чужд коллективизации. Вот, Шапкин, взгляни в окно. Что тебе видно отсюда?—Видна

улица: так-с... Что на улице?—Трамвай, извозчики, прохожие, вывески...

Так-с... Теперь я тебе на это рифмой скажу:

„Сыро сутулится

Длинная улица,

Улица такая

Наша Сумская“.

— Вот, это тебе общее очертание улицы... Так-с... но ты спросишь, где же уличные аксессуары? Пожалуйста,

поволь:

„По рытвинам камней

Спешит-бежит трамвай

Спешит“...

— Тут бы, конечно, для рифмы можно привлечь „рельсов-свай“ или „параг-

вай“, но ты сам, Шапкин, должен

понять, что не в этом суть... Нужна только основа... не правда ли, Шапкин?

Шапкин жевал моченый горох и угрюмо молчал.

ВЕРНАЯ ПРИМЕТА.

Аптекарь села Ротмистровка, на Черниговщине, меняет помещение для аптеки в зависимости от того, за какой девицей он ухаживает.

— Скажи на милость, где мне лекарство достать. Вот с рецептом целый день бегаю.

— А не иначе, как у Маньки Чусказовой. Вчера с ней аптекарь перемаргивался.

— Не прав ли я, Шапкин, не здесь ли вот в этом чердаке?— поэт стукнул себя в многоволосую голову — „беспрогульная производительность труда?“

— Прав — не прав! — наконец, прокричал Шапкин — ну, только я тебе, Сашка, прямо скажу, хоть ты и поэт, хоть ты и Александр Нежный и хотя теперь большое внимание к трудовой производительности, ну только не стоит труда твоя производительность. Впустую, Саша, работаешь! Толку в твоей производительности не вижу. Не производительность у тебя, а сплошной умственный прогул!...

Л. Митницкий.

Разговорчики.

— Иной раз, мать моя, до того наговоришься, да накричишься, что к вечеру еле языком ворочаешь.

— А ты что же, родимый, депутатом в городе состоишь, али что?

— Не... мы на Павловской шнурками для ботинок занимаемся.

— Крутой у меня нрав, братцы; ежели что не по мне, так уж прямо в глаза режу. Вот и вчера тоже; не понравилось мне, как Калинин сидит. Я и говорю: встаньте, товарищ. И чтоб вы думали — встал.

— А вы часом не из ВУЦИК'а-ли?

— Нет... я фотограф.

ОПАСНОЕ ОТКРЫТИЕ.

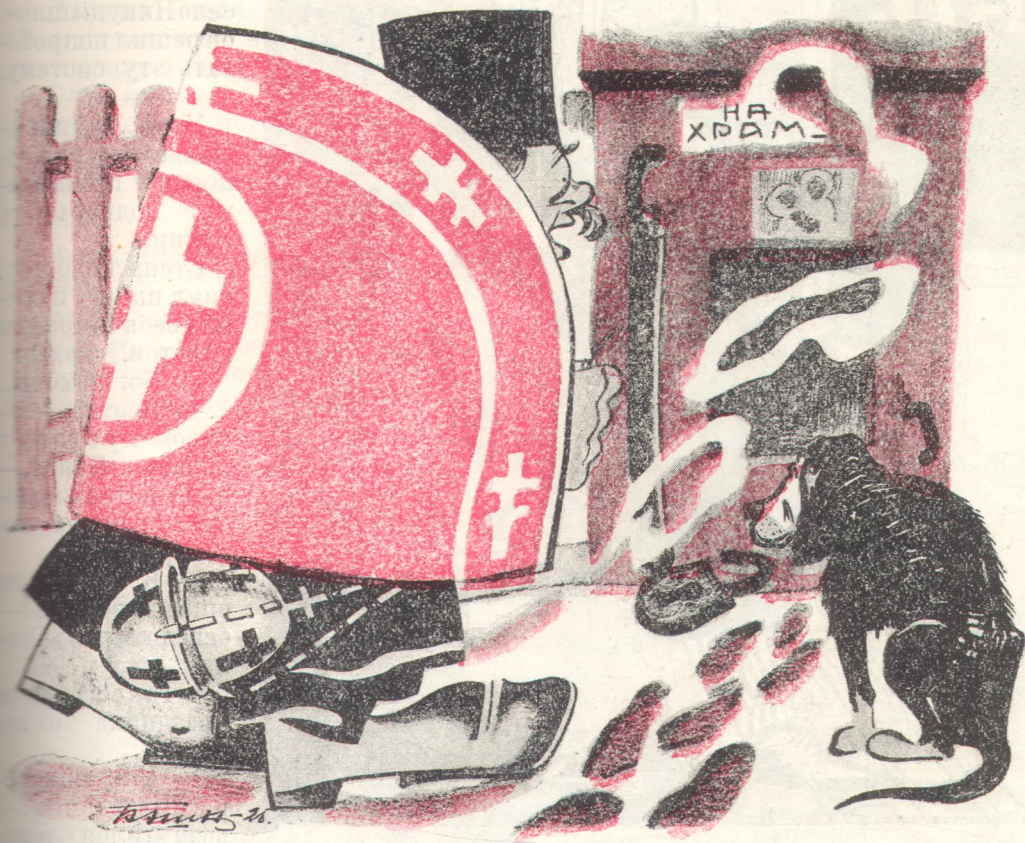

ОНА. Вчера я прочла в газетах, что за границей посредством солнечных лучей узнают мошенников и воров.

ОН. В самом деле? Послушайте, перейдемте на ту сторону. Там хшая тень.

СОБАЧЬЯ ОБИДА.

В селе Боромля Сумского окр., после ограбления церкви, поп пригласил агента угрозыска с собакой ищейкой. Во время работы собаки поп молился: „да уразумит господь животное сие“.

СОБАКА. Послушай, молись сколько хочешь, но ладаном ты мне след забиваешь.

Обер-верхи.

Верх рассеянности—бросить письмо ящик для жалоб на незаконные действия и удивляться, что почта идет так долго.

Верх дипломатии—принимая у себя гостя, жаловаться ему на дороговизну.

Верх легковерия—глядя на календарь, сказать: „Ну, завтра можно и службу на благбаз, Весна!“

Верх материализма—поднести гостю за все с'еденное и выпитое.

Верх гражданского мужества—забравшись на одной из окраин по горло в грязь, ничего не произвести по адресу Гороткомхоза.

Верх наивности—увидя в Пассаже „дешевую распродажу“, поверить, что тебе действительно скинут здесь 30%.

Не понял.

— Доктор! У меня сорок градусов.
— Неужели!... счастливее!... Где вы до стали?

Эс.

— Послушайте, это та самая Клара Цеткин, в честь которой названа площадь Розы Люксембург?

Система „от противного“.

На собрании Коломакской организации КП(б)У инструктор тов. Григорьев в прениях о работе на селе предложил свою систему агитации среди селян, т. н. „систему от противного“. По этой системе разговор с селянином должен начинаться словами вроде „Бог помочь“.

Нехорошая слава у села Никудышного.

Народ богобоязненный до отказа.

Что ни хата, то самогонный аппарат.

А на счет матерного слова, так даже детишки малые любому ругателю сто очков вперед дать могут.

Знахарство процветает...

В такое-то село прислан для агитации Степа Салазкин.

Степа был сторонником „системы от противного“ и на такой ответственной почве какой являлось село Никудышное, он решил испытать эту систему.

Утро... Дядя Панас Очкурня прилаживал подпорку клуни...

Степа подошел, снял шапку и осенив себя широким крестом, сказал:

— Бог помочь!

— Спасибо!

Ниво протянул дядько Панас, подозрительно поглядывая на нового человека.

— К завтра еще не звонили? — осведомился Степа.

— Так сегодня праздника нивоторого.

— Как никоторого праздника? — возмутился Степа.

А святого Свербупия, приявшего мученический венец за господина нашего Иисуса Христа?

И Степа снова истово перекрестился...

Дядько Панас почесал затылок, подумал... Потом ударил шапкой по земле и набожно сложив руки, подошел к Степе:

— Благословите, отче! — произнес Степа.

Степа не растерялся... Агитировать так агитировать... И благословил дядьку Панаса.

В хате Соньки Кирпатой дым стоял коромыслом... Сонька считалась в селе лучшей самогонщицей, продукция которой даже в городе славились... Потому и посетителей в просторной хате всегда было полно.

Степа вошел, посмотрел... Перекрестился на образа, да как гаркнул:

— Эй вы, черти полосатые... Разве так шьют?... Сонька, гони четверть сразу... Степа никогда не пил... Но агитация от противного требовала жертв... Единным залпом осушил ~~ся~~ стакан... Другой... третий... четвертый...

Дальше Степа ничего не помнил... Кто-то волок его на улицу, кто-то лил на голову воду...

Одна мысль все-таки и гудела в его затуманенном мозгу:

— Ладно... Пусть так... Теперь все увидят, что водка—яд...

Заседание Сельсовета. Степа, взял слово...

Встал, откашлялся, да как начал... И в гроб и в веру, и в печенку и в селезенку... Даже ко всему привычные мужики не выдержали...

Чихая и отплеиваясь ринулись залом из хаты... Степа ликова:

— Ага... Теперь почувствовали, что ругаться не хорошо...

Узнав, что у Грицька Оклунка болят зубы, Степа поспешил к нему...

— Хвораешь,—спросил его.

— А то-ж... Простанал Оклунок... Мочи моей нет... Всю ночь не спал.

— Кто тебе шептал?

— Да никто пока... Бо грошей нет... А бабка Цукерниха меньше пуда за заговор не берет... Ой... Ой-ой-ой...

— Садись пошепчу,—сказал Степа—я эту науку превзошел до основания... А на счет платы не сумлевайся... Потом посчитаемся...

И Степа начал шептать:

Зуб зубящий,

Червяк червящий,

Точишь зубы,

Отточи нос и губы...

Агитация „от противного“ шла полным ходом.

Аника Воин.

Н Е В О В Р Е М Я .

В сельсовете Села Обиточного Бердянского окр. идет непрерывная игра в шашки, доходящая до драки.

— Куда прешь, борода? Не до тебя теперь. Товарищ председатель сейчас в дамки пробирается,

Груда весны пускает вздохи,
Пляшут люди и скоты . . .
С миной старого пройдохи
Солнце смотрит с высоты.

Видит солнце все, что надо.
Там, где крыши высота,
Раздается серенада
Васьки—старого кота.

Васька опытен, не плакса,
И, приветствуя весну,
Знает он, что и без Загса
Он найдет себе жену.

А под Васькой, в поле мрака,
Паутиною покрыт,
Худосочный жрец рабфака
Анатомию зубрит.

Что ему весны сей звуки,
С молодящим сладким сном?
Он грызет гранит науки,
Позабывши о с'естном.

А под ним, в согбенной позе
Твердый дав себе зарок,
Утонул поэт в „стихозе“
Ровно в пару тысяч строк.

„Слезы, грезы, лозы, розы . . .
Сны . . . весны . . . волны . . . полны“
Очевидно, из стихозы
Он пошлет себе штаны.

А под ним спокойно, ровно
Дарья Провна с кофейком
И Пампуля Петровна
Рассуждают шепотком:

— „Скоро, зная, конец напасти
Царь Японии к весне
Приказал Советской власти
Удалиться . . . верьте мне“ . . .

врезе.

Солнце луч лукаво
толикий завернул...
от спячки зава,
посту подтолкнул...
тут иные
ходятся, как сны:
песходы накладные
жуть-ли для весны?"...
из... Глядит невинно
деня, напоказ
нова витрина,
даская глаз...
птичьих песнопений
звез твердый тон,
в срок, товар весенний
звез на сезон.
очень мило
зательных ребят
журнал Гаврило,
на расхват.
— фигура чья-то
ссоры, как согнул!...
пистолетом, с видом хвата
нами стрельнул,
шумят детишки,
малыми детьми...
того „братишки“
черт возьми!...
звезут то и это,
звезние дары,
Дорные Комета“
звезинные пары.

ЖГУТ.

НА ЛЕРМОНТОВСКОЙ УЛИЦЕ.

— Бедный безногий. Чем я вам могу помочь?

— Помогите мне стать на ноги. Потому что мои ноги увязли в грязи.

Судьи.

Германские меньшевики продолжают разоблачать друг друга в грязных проделках.

Коммунистов меньшевики судят за государственную измену.

(Из газет).

— Мерзавцы, взяточники, воры,— воскликнули коммунисты. Долой их.

— Что-о-о-с? На-а-с? Это что же-с? Против власти? Дискредитирование? Подрыв? Клевета?

кументы имею.

— Взяточник. Свидетели есть.

Но тут, в самый разгар разоблачений, в кафе вбежал судейский курьер.

— Ваш бродь... Ваш бродь,— тархтел он,—пожалте в суд. Коммунистов за государственную измену обвинять некому.

— Сейчас,—ответили меньшевики.— Сейчас. Мы им раздокажем и дискредитировать честное правительство.

Дед Глаз

— Взять их.

И коммунистов взяли.

Взволнованные меньшевики зашли в кафе успокоиться за кружкой пива.

— Какова наглость,—сказал первый меньшевик.— Никогда взяточником не был... М-да-с. Никогда не был. Вот что-с...

— Т-э-э-к-с,— обижено протянул второй меньшевик.— Вы думаете я не понимаю вашего взгляда. Превосходно понимаю. Зачем вы посмотрели на мою сторону и многозначительно сказали „м-да-с“. Если на то пошло, так я два раза могу сказать „м-да-с“. Знаю, что у вас в значействе творится

— А я знаю, что Бармат тут не причем. Сами получили от Бармата, а на меня валите.

— Я получил?

— Вы. Три миллиона, а украли...

— Я украл? Господа граждане, будьте свидетелями, сам украл, а на меня валите.

— Вор. Докажу.

— Мерзавец. До-

В мещанском квартале.

Домики, как черепахи.
Серые ленты заборов.
Двор. На веревках рубахи.
В луже откормленный боров.
Пес меделянский и куры.
Сор и помои—болото.
— „Шкура ты...“ — „Слышу от шкуры!“
Где-то ругается кто-то.
Вон две ехидны—старушки,
Вверху на сквозном коридоре
„Косточки моют“ друг дружке
В буйном и страстном раздоре.
— „Погодь, угодишь ты в темницу—
Фря, самогонница, жаба!“
— „Тебя повитуху—убивцу
Давно я засыпать могла-бы“...
На фортке записка... Забава!
Измызгана дегтем фанера:
„В тихом семействе направо
Здесь сдаеца фатера“.

Михей.

Ловкость рук.

В некоторых клубах часто подвизаются „балерины“, фокусники и пр.

Клуб был наполнен до отказа и культработа кипела во всю.

„Знаменитый престижитатор двадцатого века“ приподнял над своей лисиной рваный цилиндр и сказал:

— Милостивые товарищи и вы, мадам! Первым номером моей программы будет: добывание полтинника новой чеканки из носа почтеннейшей публики...

Зав клубом блаженно улыбнулся и подумал:

— Вот это я понимаю! Это не то что в ином клубе индус стеариновые свечи жрет или шесть пудов левой ногой поднимает. Тут классовой под-

ход виден. Идеология. Каждый, мол, гражданин должен поддерживать денежную реформу. У меня это тонко. Не подкопаешься.

Престижитатор-же, достав из носа библиотечарши два полтинника, продолжал:

— Теперь перейдем к изумительному приготовлению яичницы в уважаемой шляпе товарища секретаря.

— Правильно, — благодушеествовал зав, — раскрепощение женщины должно принести новые формы и новые орудия производства на кухонном фронте. Ты, скажем, спешешь на собрание; жена—в ячейке. Ну, натурально, хватаешь кепку, яйца, бац! бац! — и на свечку. Новый быт.

После „исчезновения предметов первой необходимости“ (легкий уклон в сторону красного бульвара) и „летающей жилетки“ (агитация в пользу ОАВУК'а) был объявлен перерыв.

Публика дружным хором принялась судачить о только что виденных чудесах.

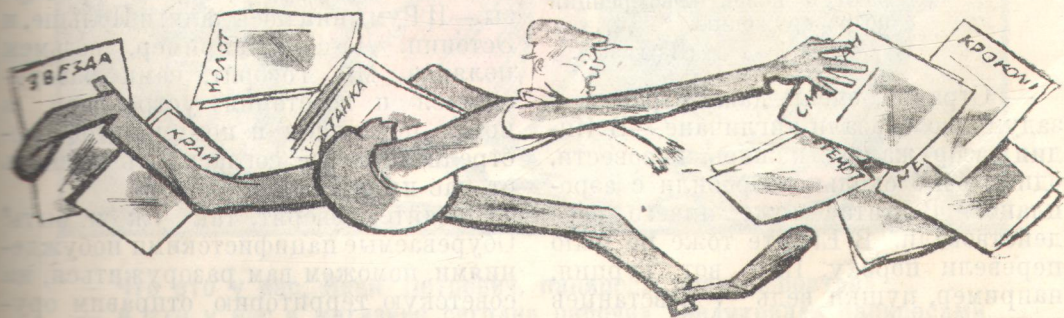
Библиотечарша громко уверяла, что все это „проделки радия“, секретарь настаивал на электричестве, зав клубом-же держался соглашательской тактики и высказывал мысль, что и радио и электричество действуют здесь „по очереди“.

Чем бы кончилась эта дискуссия — неизвестно. В эту минуту в зал вбежал клубный сторож и доложил заву:

— Так что гражданин хвокусник убежал и два пальта сперши: ваше и секретарское...

Больше в клубе аттракционов не было.

С. Чмелев.

Сказал правду.

ЖЕНА. Вишь, божился предо мной:
Брошу пить, клянусь всем в мире!

Уж не буду я в пивной!
Правду молвил,—ты в трактире!

Разоружение.

Империалисты поговаривают о новой конференции по разоружению.

(Из газет).

— Странно, очень даже странно, — задумчиво сказали англичане. — В Индии разоружались, кажись, по совести, одних бомб сколько сбросили с аэропланов. В Китае тоже ничего себе действовали. В Египте тоже не мало перевели порошу. Или вот Турция, например, пушки ведь у повстанцев наши, английские. Разоружаемся,

можно сказать, на полный ход, а толку как будто бы маловато.

— Маловато, — вздохнули французы. — И Румынии посылали, и Польше, и Эстонии. Да-с... Например, возьмем поляков. Мы, говорят, сами разоружаемся и восстания устраиваем, а потом подавляем и коммунистов расстреливаем. Еле согласились принять от нас небольшой транспорт.

Давайте, говорят, так уж и быть! Обуреваемые пацифистскими побуждениями, поможем вам разоружиться, на советскую территорию отправим оружие, отряды организуем. Ну, и орга-

низовали. А СССР, Чичерин там и прочие красные империалисты, протест за протестом против разоружения...

— Хлопотно, — хмыкнули англичане. — Знаем.

— Хлопотно и без результата. Военных припасов, — хоть отбавляй. Знаете что, давайте мы на вашей территории разоружимся?...

— Это как же?

— Привезем пушки. Выроем окопы и того...

— Нет уж...

— Ну, интервенцию какую-нибудь выдумаем. Нельзя же в самом деле иметь такое количество вооружения. Стыдно. Обсудить бы этот вопрос. Местность выбрать. Местность должна быть равнинная, без гор, без оврагов.

— В СССР хорошо. Ровно там.

— В Китае тоже недурно.

— И в Китае можно. Едем в Вашингтон. Обсудим как и что. Американцы — народ гостеприимный, всегда готовый поддержать дело разоружения.

Д. Г.

Удобный случай.

Приказчики Александровского отделения Сталинского рабкопа ловко распечатывают папиросы, потом заклеивают пустые коробки и продают.

— Что это у вас, Иван Петрович, папиросы разных сортов?

— А это у нас в магазине сегодня рабочих кредитовали папиросами.

Кажинный раз на эфтом самом месте...

Один коопсоюз купил 4 вагона горчицы, количество, которым можно кормить 2 года Москву... ЦРК в рабочем районе купил на Нижегородской ярмарке 2 тысячи чугунных 30-фунт. ступок.

(Из газ. статьи).

ЦРК с коопсоюзом

Повели однажды речь:

— Трудно „парфюмерным грузом“

Потребителя привлечь.

Пудра, мыло и помада

Для немногих хороши;

Это то, чего не надо

На рабочие гроши.

— Потому то и должны мы,

Пульс почувствовал живой.

Дать предмет необходимый

Нашей массе трудовой.

Понатужимся, а ну-ка!

Правды незачем скрывать.

Все ошибки—нам наука.

Как не нужно торговать!

...Скоро сказка говоритс...

Смотришь—новая буза:

Важно ступки и горчица

Прут рабочим на глаза.

Кто виновен тут всецело?

Ни союз, ни ЦРК.

Затесались просто в дело

Три-четыре... чудака.

Нужно им воздать сторицей.

Ощущая зуд в руке:

Смазав кое-где горчицей.

Стукнуть ступкой по башке.

Нума.

Рабочий вождь.

В Чикаго состоялся митинг, организованный социалистической партией. Русский меньшевик Абрамович, выступивший с обычными нападками на СССР, встретил энергичный отпор слушателей, которые были с митинга полицией удалены.

(Из газет).

— Милостивые государи и милостивые государыни,—начал свою речь Абрамович.

— Товарищи,—поправила Абрамовича галерка.

— Ах, да... Тэ-эварищи... Не мешайте говорить, тэ-эварищи.

— Шшшшш—зашипел пристав.

— Шшшшш—зашипела приставша.

— Долой—крикнула галерка.

— Итак, милостивые гос... тэ-эварищи... выступая перед вами, я должен предупредить, что мировая эволюция...

— Ре потерял,—крикнули из партера.

— Что-с?

— Ре пристасть.

— Что-с? Пристав? Пристав, то есть виноват, господин пристав здесь, и я надеюсь он не откажется вывести негодяев из помещения. Благодарю вас, что вы напомнили мне про господина пристава. Очистите, господин пристав, галерею. Вот так-с, благодарю вас. Буду продолжать. Надобно вам сказать, что социал-демократическая партия дает...

— Про потерял.

— Как-с про?

— Про пристасть.

— Это вы про пристава. Очистите, господин пристав, партер и все ложи. Удивительное хамство. Очистили? Можно продолжать? Очень рад. Итак, тэ-эварищи...

— Мы не товарищи,—обиделся пристав.—Товарищей вывели. Мы с супругой благородные.

— Виноват... Милостивые государи и милостивые государыни...

— Душка,—шепнула приставша.—Все социал-демократы душки.

— Не вертопрахи,—одобрительно хмыкнул пристав, вытаскивая из под скамейки последнего мальчишку.—Продолжайте, господин Абрамович, мы с супругой вас слушаем.

Деге.

Справедливое негодование.

Пьяный:

— На тебе „горькая“. Две квартиры выпил, а еще не падаю...

— Ведь вы ж лежите в грязи...

— То-то и оно, а падать не падаю... В чем сила?

Верный признак.

— Откуда вы узнали, что я учительствую на селе?

— Да вот вижу вас всегда в городе у кассы Наробраза.

Под гармошку обо всем понемножку

Замзав завода «Луч Ильича» (Барвенково) Юрасов удержал из зарплаты рабочего Колесника 8 рублей с копейками за гробик, сделанный на заводе для ребенка Колесника.

И рабочие, понятно,
За подобный пируэт
Для Юрасова бесплатно
Рады сделать сей предмет.

В подотделе Рабмеда села Тростянец имеется акушерка Зубова. Если ей не дашь 3—5 рублей, она к роженке близко не подойдет.

Коль «подмазка» ей отрада,
То исхода весьма простой.
Акушерку «смазать» надо,
Чтоб катилась колбасой.

В сл. П.-Никитовке имеется Сельбуд. В нем ведется культработа, но сторож сельбуда Мельникова занимается здесь-же продажей самогона.

В этом случае резонно
Будет им совет подать:
Не гоните самогонно,
Надо бабу просто гнать.

В трубном цехе Мариупольского госзавода была вывешена стенгазета «Заводской Гудок», в которой посвящалось много места плохому хозяйничанию администрации. Скоро стенгазета была сорвана и унесена неизвестно кем.

Кто украл? Об этом слухи
Разнеслись во все концы:
В получении оплеухи
Расписались молодцы.

Ж—т.

ПРИКАЗЫ ГАВРИЛЫ.

ПРИКАЗ № 25.

Кадиевское рудоуправление отлучается.

„У нас до сих пор нет пенных чуней, и рабочие, особенно шахтеры, сильно от этого страдают. У рудоуправления нет денег для их приобретения. Между тем, в Харькове куплено для конторы 4 американских письменных стола за 1000 рублей“.

Настоящим приказом разрешаю:

К этакому письменному столу нужен письменный прибор, к прибору нужна ручка, к ручке нужно перо. А перо необходимо немедленно вставить кому следует и куда следует.

ПРИКАЗ № 26.

До Николаевской почтово-телеграфной конторы, очевидно, не то, что Октябрьская, а даже Февральская революция еще не доехала. На повестках этой конторы до сих пор на обороте значится такое:

„Почтовые операции не производятся: в день тезоименитства государя императора (6 декабря), в день священного коронования их императорских величеств (14 мая) и т. д.“.

В целях скорейшего урегулирования почтового дела в Николаеве, рекомендую: заведующего сей почтово-телеграфной конторы считать состоящим на службе только «в дни тезоименитства государя императора», а жалование выдавать ему только в дни «священного коронования их императорских величеств». В остальные дни пусть его заменяет другой, более умный.

ПРИКАЗ № 27.

Разные герои труда бывают. Вот, например, на Алмазнянской группе заводов.

„Из отдела подсобных предприятий нам прислали кожаный костюм для награждения героя труда. Но управляющий Строко-

тенко выдал этот костюм и при том совершенно бесплатно инженеру Картшевскому“.

Приказываю. Признать управляющего и инженера, если не героями труда, то все-же героями. Ибо открыто, на глазах рабочих, прикарманить чужой костюм, что ни говорите — большой героизм требуется.

ПРИКАЗ № 28.

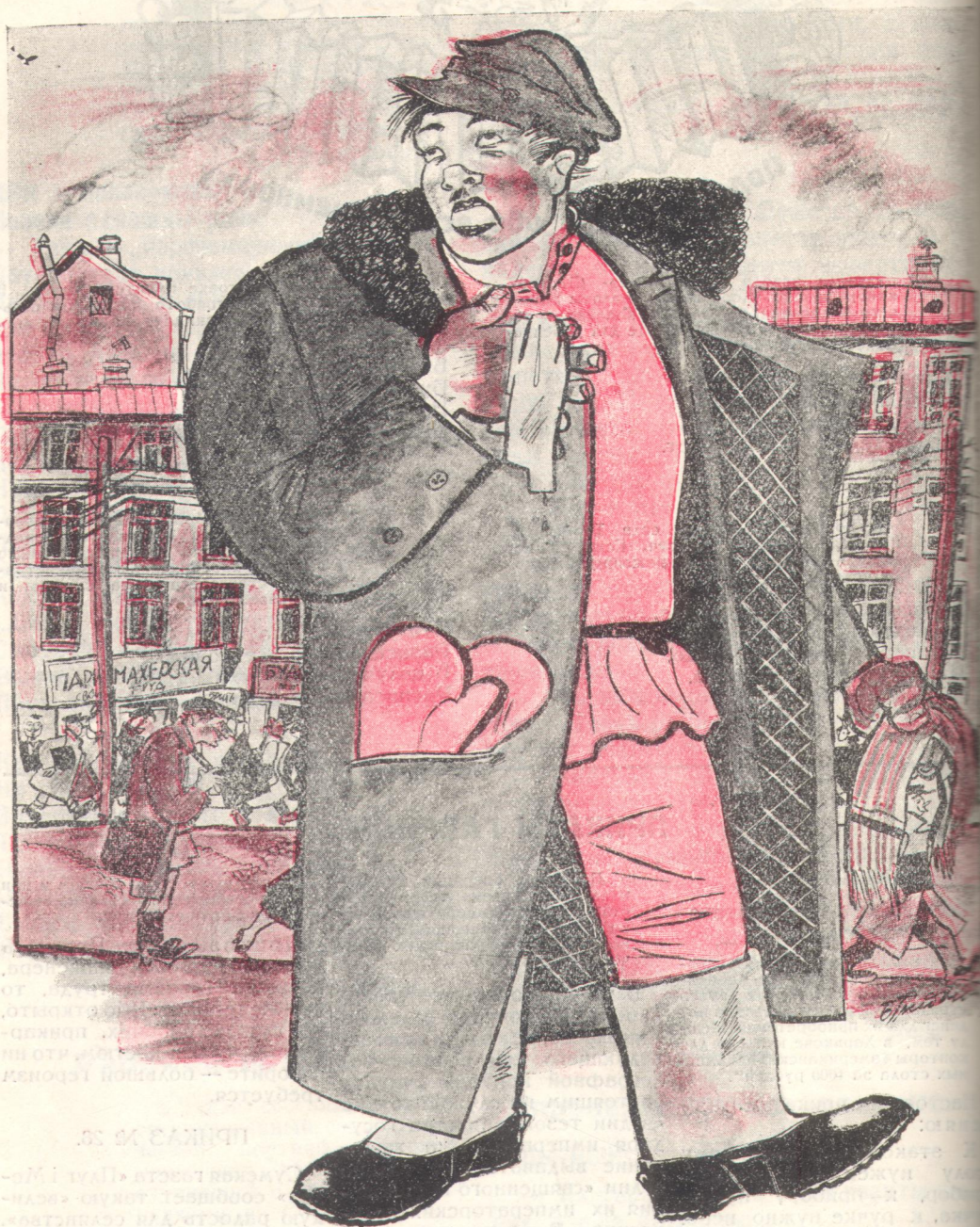
Сумская газета «Плуг і Молот» сообщает такую «великую радость для селянства».

„Синий сільсько-господарський податок, замість 150 мільйонів карбованців зменшується до 300 мільйонів“.

Во избежание смуты в умах селянства, приказываю: считать 300 миллионов больше 150 миллионов. Редактору указанной газеты в срочном порядке повторить сложение и вычитание и таблицу умножения.

Гаврило.

НИКАК НЕ УГАДАЕШЬ.

ГАВРИЛО. Фу ты, чорт! Кажись, оделся по весеннему, а насморк поймал самого зимнего качества.

Укрголовліт. № 892.

Харьков. Тип. Ц.К.К.П.(б).У. „Коммунист“. Зак. № 4765/1786.

Тир. 10.000.

Цена 20 коп.

[8-7 (05) (47714x), 1925'']